

III.

Значеніе памятниковъ древне-русской иконографіи для изученія релігіозно-философскихъ воззрѣній русскаго народа.

«Помянухъ дни древнія и поучихся» (Псал. 142).

«Чѣмъ развитіе человѣкъ умственно и нравственно, тѣмъ болѣе онъ углубляется въ прошлое». (Спенсеръ).

Существуетъ разсказъ о томъ, какъ группа людей встрѣчала восходъ солнца. Каждому хотѣлось увидѣть поднимающееся свѣтило первымъ. Но въ то время, какъ всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ устремляли свой взоръ на востокъ, одинъ изъ наблюдавшихъ пристально смотрѣлъ на западъ. «Ты не увидишь восхода солнца, такъ какъ смотришь въ совершенно противоположную сторону»,—говорили ему его товарищи, но тотъ упорно молчалъ и продолжалъ смотрѣть на западъ. И вотъ, когда всѣ съ напряженіемъ ловили моментъ восхода солнца и когда у тѣхъ, которые смотрѣли на востокъ, царило гробовое молчаніе, крикъ восторга вырвался изъ груди смотрѣвшаго на западъ. Всѣ оглянулись; глазамъ ихъ представилась величественная картина: лучи восходящаго, но еще скрытаго за горизонтомъ, солнца чудными свѣтовыми переливами заиграли на вершинахъ расположенныхъ къ западу горъ.

Думаемъ, что смыслъ этой аллегоріи разгадать не трудно. Онъ заключается въ томъ, что умственный взоръ нашъ долженъ быть направленъ не только къ будущему, но непременно и къ прошедшему, что всегда полезно всмотрѣться въ свое прошлое, такъ какъ въ немъ скрывается, какъ зародышъ, наше будущее.

Въ настоящее же время, когда въ русскомъ обществѣ окончательно созрѣло желаніе стряхнуть съ себя все чужое, иностранное, иноземное, въ корень противорѣчащее его національнымъ взглядамъ и идеаламъ,—когда русскій народъ выражаетъ твердое желаніе начать строить какъ личную, такъ и государственную свою жизнь на началахъ строго національныхъ, самобытныхъ,

русскихъ,—заглянуть въ то, скрытое отъ насъ вѣковою завѣсою, прошлое, когда жизнь русскаго народа текла по собственному руслу, и зараза Запада не нарушила еще цѣльности его національнаго самосознанія, — для насъ особенно благовременно и полезно. Тамъ, въ глубинѣ вѣковъ, откуда «Русью пахнетъ», найдемъ мы и высокіе примѣры и духовную силу для осуществленія своихъ національныхъ задачъ и цѣлей.

Но кто же можетъ рассказать намъ о старомъ добромъ времени, какъ не вещественные памятники пережитого, воплотившіе въ себѣ живую мысль людей прошедшихъ годовъ и столѣтій? Кто, какъ не они, могутъ безпристрастно повѣдать намъ «земли родной минувшую судьбу»?

А если такъ, то само собою понятнымъ становится, какъ съ этой точки зрѣнія должны быть дороги для насъ памятники родной старины. Каждый изъ нихъ, безразлично—къ какой бы области народной жизни онъ ни относился и какимъ бы незначительнымъ съ перваго взгляда намъ ни казался,—представляетъ изъ себя въ той или другой степени и мѣрѣ цѣнный матеріаль для изученія духовнаго облика русскаго народа съ его положительной или отрицательной стороны. И несомнѣнно, чѣмъ больше будетъ этихъ памятниковъ въ распоряженіи науки и вмѣстѣ—чѣмъ разнообразнѣе они будутъ, тѣмъ глубже, полнѣе и разностороннѣе можетъ быть изучена по нимъ и прошлая жизнь родного народа, тѣмъ скорѣе сможемъ мы дать себѣ отчетъ въ томъ, какъ этотъ народъ мыслилъ и дѣйствоявъ, откуда онъ почерпалъ свои взгляды на окружающій его міръ, на самого себя, какое онъ имѣлъ представленіе о жизни и смерти, какъ вообще развивались его теологическо-философскіе взгляды и т. д.

Но среди всего разнообразія имѣющихся на святой Руси памятниковъ родной старины, несомнѣнно, болѣе яркій и болѣе правильный портретъ русскаго человѣка дадутъ намъ памятники старины церковной. И это понятно, такъ какъ религія, по выраженію одного христіанскаго мыслителя, есть ничто иное, какъ

«матернее лоно, изъ котораго развивалась вся духовная жизнь человѣчества».

Доказывать эту мысль едва ли нужно. Мы съ несомнѣнно-стью убѣдимся въ справедливости ея, если припомнимъ исторію народовъ древняго міра—Египтянъ, Грековъ, Римлянъ и др. Мы увидимъ, что вся жизнь этихъ народовъ и во всѣхъ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ—ихъ искусства, поэзія, наука, короче сказать, вся ихъ культура зачалась въ религіи, подъ вліяніемъ ея развилась и выросла. Кто не знаетъ, напр., что первыми поэтическими произведеніями народовъ древности были ихъ религіозные гимны тому Богу, которому они кланялись? Кто не знаетъ, что первыми произведеніями ихъ архитектуры были храмы и капища? Кто не знаетъ, что все законодательство древнихъ, весь укладъ ихъ семейной и общественной жизни вытекал и покоился исключительно на религіи. Можно положительно сказать, что изучить исторію того или другого народа древности—это значитъ изучить его религію.

Еще ярче и полнѣе можетъ быть иллюстрирована мысль о руководственномъ значеніи религіи въ жизни частной и общественной исторіей народа Еврейскаго. Но нѣтъ нужды повторять здѣсь то, что каждому извѣстно еще со школьной скамьи.

Что можно сказать о народахъ древности, то въ одинаковой же мѣрѣ приложимо и къ народамъ позднѣйшаго времени, а въ частности—и къ народу русскому, въ жизни котораго, какъ мы знаемъ, Церковь и религія всегда играли руководящую роль и значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, откроемъ—ли мы такъ наз. «Уставъ св. Владимира», просмотримъ—ли мы «Русскую Правду» Ярослава Мудраго, прочитаемъ ли завѣщаніе Владимира Мономаха, заглянемъ—ли въ «Домострой» Сильвестра, прослѣдимъ—ли вообще древне-русскую литературу и поэзію, обратимъ—ли все вниманіе на весь укладъ жизни русскаго человѣка,—мы увидимъ, что вездѣ, всегда и во всемъ онъ прежде всего руководился указаніями Церкви и религіи.

Вотъ почему и памятники Русской церковной старины столько же многочисленны, сколько и разнообразны. Къ нимъ

принадлежать и памятники древне-русского зодчества, и древне-русская церковная литература и народная поэзія, и памятники церковной живописи и т. д.

Было-бы въ высшей степени интереснымъ установить, какъ и въ чемъ отразилась религіозная мысль русскаго народа въ каждомъ отдѣльномъ типѣ памятниковъ древне-русской культуры, но само собою понятно, что сдѣлать это въ краткой журнальной статьѣ нѣтъ никакой возможности; мы укажемъ здѣсь, но и то только въ общихъ чертахъ, на громадное значеніе въ дѣлѣ изученія души русскаго человѣка памятниковъ древне-русскаго иконографическаго искусства.

Остановиться на этой именно, а не на другой какой либо группѣ памятниковъ русской религіозной старины, побуждаетъ насъ, съ одной стороны то соображеніе, что памятники иконографіи среди другихъ памятниковъ церковной старины едва ли не самые многочисленныя, а потому и болѣе другихъ каждому извѣстныя, а съ другой—что и по источнику своего происхожденія и по своему внутреннему содержанію они сравнительно ближе другихъ стоятъ къ религіозной жизни русскаго народа; въ нихъ, слѣд., яснѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ въ чемъ либо другомъ, отобразился и его религіозно-философскій міръ.

Какъ извѣстно, и система христіанскаго вѣроученія и весь церковно-богослужебный ритуальъ были перенесены къ намъ изъ Византіи уже въ совершенно готовомъ, такъ сказать, законченномъ видѣ и развитіи. Греки стремились пересадить на дѣвственную русскую почву всю сумму своихъ религіозныхъ воззрѣній, всѣ свои религіозныя вѣрованія и идеалы.

Но мы знаемъ, что почва эта не была въ достаточной мѣрѣ подготовлена; мы знаемъ, что новое ученіе не только не было предварительно принятія его переработано въ сознаниі нашего предка славянина, но для огромнаго большинства жителей русской равнины оно было совершенно неизвѣстно. Необходимость же принятія новой вѣры диктовалась имъ не убѣжденіемъ въ правотѣ и превосходствѣ христіанства предъ язычествомъ, а исключительно тѣмъ, чисто внѣшнимъ, формальнымъ

соображеніемъ что «аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре пріяли».

Изъ лѣтописи мы знаемъ, что даже жители Кіева, этого культурнаго центра тогдашняго восточнаго славянства, и тѣ въ большинствѣ пришли на Днѣпръ креститься не потому, что сознавали преимущество новой вѣры предъ старой, а потому, что не хотѣли противиться волѣ своего любимаго князя, который «посла по всему граду глаголя: аще не обрящется кто рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищъ, ли работникъ, противень мнѣ да будетъ». И «не бысть, говоритъ авторъ похвалы князю Владимиру,—ни единого же противящася благочестивому его повелѣнію, да аще кто и не любовью, но страхомъ повелѣвшаго крещася, понеже бѣ благовѣріе его съ властью съпряжено».

Съ принятіемъ новой вѣры, естественно, явилась необходимость въ согласованіи съ нею своей жизни, а это, въ свою очередь, требовало отъ нашихъ предковъ пониманія сущности христіанства.

Но гдѣ, у кого и на чемъ можно было учиться?

Правда, къ намъ были принесены изъ сосѣднихъ славянскихъ земель богослужебныя книги и переводы Священнаго Писанія, къ намъ прибыли священники славяне и греки, но вса эта могучая просвѣтительная рать встрѣтила на Руси полное отсутствіе какого бы то ни было просвѣщенія.

Высокія христіанскія истины не могли не быть трудными для усвоенія народу, неспособному за отсутствіемъ образованія, къ правильному отвлеченному мышленію. И, естественно, умъ новообращеннаго язычника, привыкшаго дотолѣ мыслить въ области религіи не отвлеченными идеалами, а конкретными формами, началъ искать эти формы и въ новой религіи.

Такимъ конкретомъ для нашихъ предковъ—христіанъ явились иконографическіе сюжеты, сначала принесенные къ намъ изъ Византіи, а затѣмъ созданные кистью нашихъ собственныхъ мастеровъ-иконописцевъ. Та или другая отвлеченная религіозная идея, то или другое историческое событіе, переведенное художникомъ на языкъ красокъ, вызывали въ умѣ рус-

скаго неграмотнаго простолюдина болѣе или менѣе ясное представленіе и глубже закрѣплялись въ его религіозномъ сознаніи; можно сказать, что эти сюжеты въ дѣлѣ познанія новой вѣры и вообще въ религіозной жизни служили для мало-просвѣщеннаго человѣка древней Руси тѣмъ же, чѣмъ въ настоящее время служатъ для дѣтей иллюстраціи въ книгѣ для чтенія.

Съ теченіемъ времени это дидактическое значеніе иконографическаго искусства еще болѣе увеличилось. Мало по малу художественное значеніе иконы слилось съ ея религіознымъ содержаніемъ и значеніемъ, и икона стала единственнымъ руководителемъ русскаго человѣка въ вопросахъ вѣры. Предъ иконою онъ молился, по ея изображеніямъ, какъ по книгѣ, читалъ онъ и смыслъ своей вѣры.

Отсюда вполне понятнымъ становится для насъ то широкое, въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ, развитіе въ древней Руси иконописнаго искусства, какого мы не встрѣчаемъ въ другихъ христіанскихъ государствахъ и которое оставило въ наслѣдіе потомству высокіе образцы такихъ художественныхъ произведеній, которыя знатоками церковнаго искусства ставятся наравнѣ съ лучшими произведеніями средневѣковаго Запада.

Правда, кто видѣлъ иконы древне-русскаго письма, тотъ можетъ сказать намъ, что со стороны внѣшней онѣ являються полнымъ нарушеніемъ законовъ перспективы, свѣта и др. научно-техническихъ требованій—и это совершенно вѣрно. Въ отношеніи внѣшней формы произведенія эти могутъ показаться даже уродливыми, въ родѣ тѣхъ лубочныхъ картинъ, которыми на базарѣ такъ охотно запасаются наши русскіе мужички.

Но для того, чтобы по достоинству оцѣнить древне-русскую иконопись, необходимо разсматривать ее не столько съ внѣшней, художественной стороны, сколько со стороны внутренней, идейной, ее нужно цѣнить не съ точки зрѣнія эстетическаго вкуса, а со стороны вкуса религіознаго и притомъ воспитаннаго непременно на восточномъ православіи.

Вся внѣшняя красота, правильность рисунка, перспективы, колорита и тѣней были принесены древне-русскими живописцами въ жертву религіозной идеѣ. При написаніи той или другой иконы все стремленіе художника сводилось къ тому, чтобы удовлетворить исключительно только религіознымъ цѣлямъ, только религіознымъ запросамъ молящихся, замѣняя отсутствующую на изображенныхъ ликахъ святыхъ внѣшнюю красоту внутреннимъ ихъ благородствомъ.

Вотъ почему икона, по мнѣнію нашей благочестивой старины, есть ничто иное, какъ путеводитель человѣка отъ земли на небо; она поэтому должна отрѣшить молящагося передъ нею отъ всего земного, чувственнаго и возносить его умъ и душу къ горнему, духовному. Этотъ принципъ отрѣшенности отъ всего земного и былъ положенъ въ основаніе нашими иконописцами. Отсюда, древняя русская икона дѣйствуетъ прямо на мысль, все впечатлѣніе ея основывается на нравственной идеѣ и потому, если въ наблюдателѣ не довольно сильно развита эта идея, то онъ никогда не можетъ извлечь изъ разсмотрѣнія древней русской иконы искренняго и глубокаго наслажденія, —на него повѣетъ отъ нея холодомъ и безжизненностью. И наоборотъ, совершенно иное впечатлѣніе произведетъ эта икона, если смотритъ на нее человѣкъ религіозно настроенный. Для него она является ничѣмъ инымъ, какъ художественнымъ идеаломъ, высоко поставленнымъ кистью художника надъ всѣмъ мелочнымъ житейскимъ, —идеаломъ, въ которомъ русскій человѣкъ выразилъ свое понятіе о человѣческомъ достоинствѣ.

Кто бывалъ въ древнихъ русскихъ монастыряхъ съ цѣлью отдохнуть душою, кто посѣщалъ обители съ искреннимъ намѣреніемъ помолиться, тотъ на личномъ опытѣ знаетъ, какъ благотворно дѣйствуютъ на душу и темные монастырскіе переходы и мерцающія въ глубинѣ ихъ лампы и особенно смотрящія со стѣнъ и сводовъ монастырскихъ храмовъ строгіе, постные лики святыхъ.

Можно сказать, что міръ не знаетъ другого искусства, столь свободнаго отъ матеріальности, столь чистаго, идеальнаго,

столь мало связаннаго съ реальною жизнью,—какъ древне-русская иконопись. И только тотъ, кто и въ иконѣ, какъ въ картинѣ, хочетъ видѣть услажденіе своего эстетическаго чувства, кто не проникается вложенной въ икону религіозной идеей—можетъ назвать иконы «безжизненными описаніями» и удивляться тому, что «наши ученые, сравнивая русское религіозное искусство съ западнымъ, ставятъ эти безжизненные описанія наряду съ творческими произведеніями западныхъ мастеровъ»,—и утверждать, что въ такихъ сужденіяхъ нашихъ ученыхъ «выражается болѣе любовь къ отечественной археологіи, нежели пониманіе истиннаго существа и значенія искусства».

Но само собою понятно, что какъ бы ни былъ великъ художникъ,—онъ все-таки дитя своего времени, и въ его произведеніяхъ не премѣнно должны отражаться тѣ идеи и начала, которыми живетъ окружающее его общество. Въ противномъ же случаѣ эти произведенія не могутъ быть ни поняты ни оцѣнены.

То же самое слѣдуетъ сказать и о древне-русскомъ религіозномъ искусствѣ. Русскій иконописецъ является своего рода фокусомъ, въ которомъ соединялись всѣ религіозныя понятія и воззрѣнія русскаго человѣка, и въ своихъ произведеніяхъ онъ невольно развертываетъ предъ нашимъ взоромъ образы народнаго религіозно-философскаго міровоззрѣнія.

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ изученія прошлой жизни русскаго народа памятники иконографическаго искусства имѣютъ такое же, если не большее, значеніе, какъ и памятники древне-русской народной литературы и поэзіи.

Свящ. *І. Егоровъ.*

IV.

Мой Прихожанинъ правъ.

Вы, батюшка, у насъ недавно, а уже начинаете измѣнять кое-какіе наши обычаи и порядки. Правда, мы сознаемъ, что все то, что вы вводите у насъ—какъ будтобы и хорошее дѣло,